

«ОКОЛЬНЫЕ ПУТИ» ПЕРЕСМОТРА КОНСТИТУЦИИ?

Аннотация. В статье исследуются способы внесения изменений в Конституцию Российской Федерации, особенности ее толкования и возможные способы разрешения конституционных конфликтов, позволяющие обойти закрепленную в главе 9 Конституции Российской Федерации процедуру ее пересмотра, а также способы противодействия им. Определяется сущность, роль и место формальных и материальных пределов пересмотра конституции и органа конституционного контроля в механизме обеспечения стабильности и динамического развития конституции. Рассматриваются категории «*contra constitutionem*» и «суверенитет народа» в контексте противопоставления позитивного права и текущих политико-социальных интересов при осуществлении пересмотра конституции. Делается вывод о необходимости установления эффективной, текстуально и юридически полной и надежной процедуры пересмотра конституции в целях обеспечения стабильности конституции и ее динамического развития.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, пересмотр Конституции, стабильность конституции, общероссийское голосование, всенародное голосование, динамическое развитие, пределы пересмотра конституции, конституционные поправки, Конституционное Собрание, Конституционный Суд, обязательное толкование, «*contra constitutionem*», суверенитет народа.

«ROUNDAABOUT WAYS» OF CONSTITUTIONAL REVISION?

Abstract. The article examines the means of making changes to the Constitution of the Russian Federation, special properties of its interpretation and potential ways of constitutional conflict resolution that allow to bypass the procedure of constitutional revision as described in chapter 9, as well as means of counteracting them. The author clarifies the essence, role, and place of formal and substantive limits of constitutional revision and constitutional revision body in the mechanism of ensuring stability and dynamic development of the constitution. The terms «*contra constitutionem*» and «popular sovereignty» are reviewed in the context of contradiction between positive law and immediate socio-political interests in the process of constitutional revision. A conclusion is made about the necessity of implementing an effective, legally solid, textually refined, and reliable procedure of constitutional revision to ensure both stability and dynamic development of the constitution.

Keywords: The constitution of the Russian Federation, revision of the Constitution, constitutional stability, national popular vote, all-russian vote, dynamic development, limits

of constitutional revision, constitutional amendments, the Constitutional Assembly, the Constitutional Court, legally binding statutory interpretation, contra constitutionem, popular sovereignty.

Конституция представляет собой особого рода нормативный правовой акт, определяющий основы государственного и общественного строя, территориального устройства, системы органов публичной власти, права и обязанности человека и гражданина. Всеобъемлющий учредительный характер конституции, ее высшая юридическая сила как источника права предопределяют необходимость особой правовой охраны и защиты ее положений, как основополагающих для функционирования государства и общества в целом.

В то же время конституция, как и любой другой нормативный правовой акт, может нуждаться в доработках, дополнениях, изменениях, вплоть до пересмотра и принятия новой конституции. Но место конституции в системе источников права и ее системообразующий характер требуют особого порядка пересмотра и внесения в нее изменений. Именно по этой причине глава 9 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция) ограничивает круг лиц, уполномоченных вносить предложения о поправках или пересмотре ее положений, определяет особый порядок их принятия.

Не считая вносимых в порядке статьи 137 Конституции изменений, изменения в Конституцию России вносились 5 раз посредством принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации.

Последний — Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ — беспрецедентно отличается от предшествующих по процедуре принятия (всенародное голосование), объему (206 изменений) и содержанию («не связанные между собой» поправки). Его особый, специальный характер свидетельствует о несовершенстве и недостаточности существующих механизмов изменения положений Конституции, об отсутствии достаточной нормативной правовой базы, регламентирующей внесение масштабных изменений в текст Конституции, ее пересмотр, а также указывает на несовершенство теоретического фундамента, на котором вышеизложенные правовые положения должны основываться.

Как уже было отмечено, действующая Конституция предусматривает несколько процедур внесения изменений в собственный текст.

Процедура внесения поправок — принятие законов о поправке к Конституции Российской Федерации — представляет собой модификацию процедуры принятия федеральных конституционных законов с более узким кругом субъектов законодательной инициативы и последующим одобрением органами законодательной власти не менее двух третей субъектов Российской Федерации.

Изменения в статью 65 в соответствии с положениями статьи 137 Конституции вносятся либо федеральным конституционным законом (в случае изменения конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации), либо указом Президента Российской Федерации (в случае изменения наименования субъекта Российской Федерации).

Положения главы 9 Конституции в совокупности позволяют определить пересмотр как инициируемую субъектами пересмотра Конституции Российской Федерации (они же — субъекты внесения предложений о поправках) процедуру пересмотра положений глав 1 и (или) 2 и (или) 9 Конституции, осуществляемую посредством созыва Конституционного Собрания, разработки им и принятия им же или всенародным голосованием новой Конституции.

Таким образом, формальным критерием выбора способа внесения изменений в текст конституции является тот структурный элемент, в который эти изменения вносятся.

Применительно к процедуре пересмотра содержательный смысл данного критерия заключается в том, что положения, составляющие основы конституционного строя, основы правового статуса личности, имеют более общий характер, представляют собой «конституцию в конституции» и, соответственно, имеют приоритет над всеми иными ее положениями, которые, в свою очередь, не должны им противоречить, что и обеспечивается определенным порядком внесения изменений.

Таким образом, по нашему мнению, пересмотр Конституции в содержательном смысле следует понимать как существенное изменение конституционного строя, правового статуса личности, порядка пересмотра Конституции.

Как указывает А.А. Троицкая, «Конституция представляет собой не просто набор отдельных положений, а упорядоченную систему норм, определенным образом взаимосвязанных и в некотором смысле взаимозависимых. Не любую из них можно изменить по свободному усмотрению без угрозы уничтожения всей системы, подобно тому, как нельзя вынимать из здания несущие конструкции, не рискуя обрушить все сооружение» [1].

По нашему мнению, данное утверждение отражает лишь одну сторону (вариант) взаимосвязи и взаимозависимости «несущих конструкций» конституции и прочих элементов. Взаимосвязь и взаимозависимость предполагают, как следует из буквального толкования самих терминов, взаимность связи и зависимости. Так, положения глав 1 и 2 (собственно основы конституционного строя и правового статуса личности) раскрываются и конкретизируются в положениях глав 3–8 Конституции, иных нормативных правовых актах, то есть, выражаясь словами Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, «конституция живет в законах» [2], а также правоприменительной практике, — обретая при этом если не новый смысл, то новые оттенки указанных основ.

Само по себе существование правовых норм, дополняющих и развивающих положения «неизменяемых» глав Конституции, это естественное и неизбежное проявление системности права, равно как и их обратная связь с дополняемыми и развиваемыми положениями, непосредственно вытекающая из формулы «*Lex specialis derogat lex generalis*» (лат. — «специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон»).

Проблема, однако, заключается в том, что конституционно закрепленный критерий необходимости применения процедуры пересмотра является исключительно формальным. При таком подходе порядок пересмотра относится непосредственно к положениям 1, 2 и 9 глав как к структурным элементам документа безотносительно их фактического содержания, то есть, по смыслу статей 16 и 64 Конституции, «не могут быть изменены иначе как в порядке пересмотра»¹ именно положения соответствующих глав как единицы текста, его синтаксические элементы или элементы нормативно-правового акта, а не основы конституционного строя и правового статуса личности как конституционно-правовые институты.

Данный тезис находит непосредственное подтверждение в недавней практике внесения изменений в Конституцию России. Так, Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» были включены статьи 67¹, 75¹ и 79¹ Конституции Российской Федерации.

Как указывает С.С. Горохова, они «скорее должны относиться к вводной, идейно-политической части Конституции — преамбуле, или же первой главе «Основы конституционного строя» [3]. Аналогичным образом Е.Н. Зиньков и И.И. Тулиев отмечают следующее: «Очевидно, что с точки зрения юридической техники и по своему характеру некоторые поправки, в частности к главе 3 более уместно выглядели бы в главе 1 или 2 Конституции Российской Федерации. Однако это является вынужденной мерой, так как для изменения глав 1, 2 и 9 необходимо принятие новой конституции» [4].

С данными утверждениями нельзя не согласиться хотя бы в той части, что вышеупомянутые структурные элементы не в полной мере соответствуют содержанию главы 3 Конституции Российской Федерации. В частности, не умаляя значимости положений частей 3 и 4 статьи 67¹ Конституции, считаем необходимым подчеркнуть, что данные положения носят установочный, общезакрепительный характер, более свойственный главам 1 и 2 Конституции России.

Более того, ни защита исторической правды, ни дети, как важнейший приоритет государственной политики, не имеют прямого отношения

---

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.

к вопросам федеративного устройства. Что касается вопроса о том, куда именно в Конституции их следовало бы поместить, мы не можем согласиться с С.С. Гороховой об уместности помещения вышеприведенных положений в преамбулу, поскольку они обладают нормативностью, ей не присущей. Соответственно, считаем возможным согласиться с Е.Н. Зиньковым и И.И. Тулиевым в данном вопросе, однако, по нашему мнению, часть 3 статьи 67¹ в большей степени соответствует содержанию статьи 13, поскольку затрагивает вопросы идеологического и политического многообразия. В свою очередь, часть 4 статьи 67¹ могла бы быть включена в статью 38, так как тематически относится к вопросам защиты материнства и детства.

Соответственно, необходимо уточнить, что упомянутые ранее «несущие конструкции» конституции представляют собой не только и не столько структурные элементы конституции как нормативного правового акта, имеющие особую процедуру изменения, сколько особого рода правовые нормы, обладающие особым конституционным закреплением, но к нему не сводимые; и поэтому они подвержены изменениям, выходящим за рамки процедуры внесения изменений в текст собственного закрепления.

Таким образом, понятия пересмотра, как законодательно регламентированной процедуры, и пересмотра, как политико-правового явления, не всегда совпадают, следовательно, принципиально возможен «обход» формальных ограничений, заложенных в процедуру пересмотра Конституции, что в некоторой степени нивелирует ценность двухступенчатой (поправки и пересмотр) процедуры внесения изменения (изменений) в Конституцию, позволяя тем самым без формального изменения текста указанных глав придавать им несколько другой оттенок (аспект). Это дает возможность, сохраняя в неприкосновенности основы, развивать содержание их положений в соответствии с новыми социально-политическими реалиями (обстоятельствами).

Очевидным решением данной проблемы является определение содержательных пределов пересмотра конституции в дополнение к существующим формальным процедурам и ограничениям.

Теоретическим обоснованием идеи содержательных пределов пересмотра конституции служит концепция «надконституционных» норм — неизменяемых фундаментальных норм, составляющих основное содержание, сущность конституции, ее конституционную идентичность, обладающих высшей юридической силой по сравнению с остальными конституционными нормами [5, с. 86–103; 6, с. 17–22].

По мнению Д. Шустрова, сами надконституционные нормы непосредственно представляют собой материальные пределы пересмотра конституции [7, с. 102]. Однако с данной точкой зрения можно согласиться лишь частично как с некоторым недостаточно точно сформулированным теоретическим положением.

* * *

Материальные пределы пересмотра конституции являются институтом конституционного процесса (в широком смысле), а отношение субординации между нормами материального права само по себе не может предрешать вывод о порядке их принятия. Соответственно, материальные пределы пересмотра конституции нуждаются в самостоятельном позитивном закреплении.

В этом вопросе нам ближе точка зрения, сформулированная А.М. Осавелюком и Е.А. Осавелюк, по мнению которых подобные нормы носят не столько юридический характер, сколько характер нравственных основ [8, с. 54–58].

Такое закрепление встречается в конституциях некоторых стран Западной Европы. В частности, статья 288 Конституции Португалии, именуемая «материальные пределы пересмотра», закрепляет следующие институты, принципы и ценности, которые «законы о пересмотре Конституции должны уважать»: «национальная независимость и единство государства»; «республиканская форма правления»; «отделение церкви от государства»; «права, свободы и гарантии граждан»². Статья 139 Конституции Италии указывает следующее: «Республиканская форма правления не может быть предметом конституционного пересмотра»³.

Как нетрудно заметить из вышеприведенных примеров, содержательные пределы пересмотра конституции, в отличие от формальных требований, критериев и ограничений, в существенной степени носят абстрактный, спекулятивный, субъективный характер, а это значит, могут легко быть искажены законодателем.

Таким образом, даже вместе формальные ограничения и требования к процедуре пересмотра и материальные пределы пересмотра сами по себе, без опоры на нравственные основы, не обеспечивают должной охраны наиболее важных и значимых конституционных положений. Более того, самоочевидным является факт, что нормативно-правовые предписания не могут реализовать свою функцию самостоятельно, а обретают жизнь лишь в процессе правоприменения или реализации права. Соответственно, возникает потребность в компетентном и беспристрастном субъекте, наделенном полномочиями по осуществлению конституционного контроля.

Традиционно возникновение конституционного контроля связывается с Верховным судом Соединенных Штатов Америки, а именно — с одним из наиболее известных его решением по делу Мэрбэри против Мэдисона (*Marbury v. Madison*), в котором Верховный суд США впервые в мировой истории аргументировал отказ в иске указанием на противоречие между

² Португалия [Текст]: Конституция и законодательные акты: [Сборник: пер. с португ. / Сост. С. Ястржембский]; Под общ. ред. И.П. Ильинского; [Предисл. И. Ильинского, С. Ястржембского, с. 5–24]. Москва: Прогресс, 1979. 216 с.

³ Италия: Конституция и законодат. акты [пер. с итал.] / под ред. В.А. Туманова; Вступ. ст. Т.А. Васильевой, Н.Ю. Попова [с. 13–28]. Москва: Прогресс, 1988. 392 с.

законом и конституцией и признал подлежащую применению в данном деле статью закона «неконституционной и значит, не имеющей законной силы». В то же время ряд исследователей считает, что первые теории конституционного контроля возникли еще в середине XVIII века во Франции и Великобритании [9, с. 495].

Конституционный контроль на сегодняшний день рассматривается как один из важнейших демократических институтов и элементов системы сдержек и противовесов. Для стран романо-германской правовой семьи, в отличие и в том числе от Российской Федерации, в большей степени характерно не надделение полномочиями по осуществлению конституционного контроля всей судебной ветви власти в целом, а создание специализированных органов конституционного контроля — конституционных судов, трибуналов, советов.

Осуществление конституционного контроля невозможно без толкования конституции и бессмысленно без обязательности такого толкования. А официальное толкование — суть то же нормотворчество. Доктрина «живой конституции», обосновывающая необходимость толкования конституции с учетом существующей социально-политической ситуации, то есть эволюции ее содержания помимо внесения текстуальных изменений в сам документ, возникла в США, но на данный момент имеет широкое распространение также и в государствах континентальной Европы [10]. Аналогичная по своей сути доктрина «живого документа» была выработана и Европейским судом по правам человека в отношении Европейской конвенции по правам человека⁴. Идея живой конституции не раз высказывалась В.Д. Зорькиным применительно к роли Конституционного Суда Российской Федерации [11, с. 346–347].

Согласно статье 106 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», «Толкование Конституции Российской Федерации, данное Конституционным Судом Российской Федерации, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

Следовательно, Конституционный Суд выступает как «субъект толкования воли конституционного законодателя». Однако очевидно, что толкование Конституции присуще всей деятельности Конституционного Суда, а не отдельному виду конституционного производства. Так, в Определении от 19.11.2009 № 1344-О-Р Конституционный Суд констатирует обусловленную правоприменительной практикой и международными обязательствами

---

⁴ Постановление ЕСПЧ от 25.04.1978 «Дело “Тайрер (Tyger) против Соединенного Королевства”» (жалоба № 5856/72) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5(29).

Российской Федерации невозможность применения смертной казни⁵, тем самым наполняя статью 20 Конституции, закрепляющую право на жизнь новым содержанием без непосредственного внесения изменений в ее текст.

Сопутствующее толкованию Конституции Конституционным Судом позитивное нормотворчество не ограничивается рассмотрением дел о толковании Конституции, а свойственно производству в Конституционном Суде вообще и, вероятно, является неотъемлемым элементом конституционного правосудия как такового.

Если орган конституционного надзора фактически способен в рамках осуществления конституционного правосудия модифицировать содержание и смысл «неизменяемых» «надконституционных» норм, причем непосредственно напрямую, без внесения текстуальных изменений и минуя законодательные процедуры и даже процедуры, недоступные законодательной власти, такие, как собственно пересмотр Конституции России, то, как писал древнеримский поэт-сатирик, писатель и оратор Децим Юний Ювенал, «*Quis custodiet ipsos custodes?*» (лат. — «Кто устережет самих сторожей?») [12].

Впрочем, помимо вышеописанных способов «обхода» процедуры пересмотра конституции посредством внесения нетекстуальных, но содержательных изменений в «неизменяемые» положения конституции существует также возможность легитимации не предусмотренных действующим позитивным законодательством способов внесения изменений в конституцию, вплоть до ее отмены и принятия новой.

А.Р. Гамбарян указывает на возможность «правомерного» (в смысле соответствия принципам, ценностям, стоящим выше собственно самой конституции) поведения законодательного органа «*contra constitutionem*» (лат. — против конституции). Несмотря на то, что применительно к рассматриваемому реальному примеру конституционного конфликта между законодательным органом и органом конституционного контроля автор приходит к выводу о неправомерности поведения первого [13, с. 129–153], нетрудно предположить, что конституционный конфликт и тем более конституционный кризис сами по себе предполагают исчерпание правовых существующих механизмов. Как было, например, в случае конституционного кризиса в России (1992–1993).

Как отмечает Т.Я. Хабриева, «даже если замена конституции прямо не предусмотрена в ее тексте, носитель государственного суверенитета вправе принять новый учредительный акт» [14, с. 67].

---

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1.

С данным утверждением мы отчасти согласны, однако считаем нужным уточнить в той части, что вопрос о наличии и выполнимости процедуры внесения изменений в конституцию (вплоть до ее отмены и принятия новой конституции) сам по себе вторичен по отношению к вопросу о заинтересованности «носителя государственного суверенитета» в таком изменении.

Другими словами, политические аспекты пересмотра зачастую преобладают над аспектами правовыми, и его легитимность в условиях политической нестабильности или за неимением лучшего сама по себе может означать правомерность. Если Конституция Российской Федерации «принята всенародным голосованием», то можно предположить, что в случае отсутствия какой-либо иной возможности субъектом внесения или, что более вероятно, одобрения изменений может выступать «многонациональный народ Российской Федерации».

Такая ситуация едва ли может являться оптимальной. Отсутствие процедуры пересмотра на практике означает, что законодатель в любой момент времени может определить данную процедуру по своему усмотрению, что по своей сути подрывает стабильность конституции, основным механизмом обеспечения которой и является усложненный порядок внесения в нее изменений.

Кроме того, отдельную опасность не только для стабильности конституции, но и для всей правовой системы в целом представляет и злоупотребление апелляцией к суверенитету народа, поскольку неизбежно ведет к противопоставлению государства и народа, размывая сами границы между правомерным и неправомерным. Поэтому данный способ редко используется в повседневной жизни.

Вышеописанные «условно-правомерные» способы пересмотра конституции носят ситуативный характер и представляют собой механизмы частичного выхода из кризисных ситуаций. Их использование является вынужденной мерой и в обычных условиях само по себе нецелесообразно или сопряжено с несоизмеримыми рисками. Вместе с тем наличие подобных частичных механизмов позволяет содержательно наполнить процедуру формального пересмотра и при необходимости, как было сказано выше, более полно и точно закрепить ее в тексте конституции.

Обобщая изложенное, еще раз отметим, что наличие особой процедуры внесения изменений в конституцию, строго определенных и законодательно закрепленных материальных пределов ее пересмотра и специализированного органа конституционного контроля по отдельности и в совокупности представляют собой важные элементы механизма охраны конституции, ее стабильности и последовательного динамичного развития. Однако эффективность функционирования данного механизма не может быть сведена сугубо к правовым факторам. В значительной степени она зависит от эффективности деятельности соответствующих органов, должностных лиц,

их компетентности, добросовестности, уровня правовой культуры как их, так и всего общества в целом.

Существование способов «обхода» процедуры пересмотра конституции является закономерным и неизбежным следствием присутствия особого порядка внесения изменений в конституцию и ее охраны. Их устранение невозможно без полного лишения конституции потенциала развития или даже невозможно в принципе, поскольку отсутствие правовых механизмов лишь подталкивает к обращению к «неправовым» механизмам, что применительно к вопросам изменения конституции не может рассматриваться в позитивном ключе.

И наоборот, наличие способов обхода процедуры пересмотра конституции свидетельствует о несовершенстве существующих механизмов, о необходимости их дальнейшего развития, при этом оставляет определенный простор для выхода за их рамки.

В целях обеспечения стабильности конституции и ее динамического развития необходимо, чтобы все существенные изменения конституционного строя, правового статуса личности и порядка изменения конституции происходили в соответствии с эффективной, юридически полной и поэтому надежной процедурой, обеспечивающей защиту наиболее важных конституционных положений от чрезмерной волатильности, но в то же время позволяющей последовательно и закономерно развивать и модифицировать их по мере необходимости.

Список литературы

1. Троицкая А.А. Пределы пересмотра конституции: формальный и содержательный аспекты // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predely-peresmotra-konstitutsii-formalnuu-i-soderzhatelnyu-aspekty> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3.
3. Горохова С.С. О поправках к третьей главе конституции Российской Федерации: что нового? // Право и политика. 2020. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-popravkah-k-tretiey-glave-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii-chno-novogo> (дата обращения: 30.08.2022).
4. Зиньков Е.Н., Тулиев И.И. Эволюция порядка пересмотра Конституции Российской Федерации и внесения в нее поправок: значение и актуальные проблемы // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-poryadka-peresmotra-konstitutsii-ri-i-vneseniya-v-nee-popravok-znachenie-i-aktualnye-problemy> (дата обращения: 31.08.2022).
5. Шустров Д. Материальные пределы изменения конституций постсоветских государств // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 2(123).

6. Шустров Д.Г. Материальные пределы изменения Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7.
7. Шустров, Д.Г. Надконституционные нормы в конституционном праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1(140).
8. Осавелюк А.М., Осавелюк Е.А. Об особенностях правового статуса Президента России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11.
9. Аллес М.В. Конституционный контроль как условие формирования правового государства: к истории вопроса / М.В. Аллес // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.). Том 1. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2019.
10. Червонюк В.И. Феномен фактического изменения Конституции (коннотации эволюционирующей, «Живой Конституции») // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-fakticheskogo-izmeneniya-konstitutsii-konnotatsii-evolyutsioniruyuschey-zhivoy-konstitutsii> (дата обращения: 22.01.2023).
11. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография / В.Д. Зорькин. Москва: Норма, 2019. с. 346–347. Текст: электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1020329> (дата обращения: 29.01.2023). Режим доступа: по подписке.
12. Цыбульник Ю.С. Крылатые латинские выражения. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 830 с.
13. Гамбарян А. Развитие парламентом права contra constitutionem в Республике Армения // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4 (149).
14. Конституционная реформа в современном мире: монография / Т.Я. Хабриева. М.: Наука РАН, 2016.